

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40
EDN: GHYUJA

Научная статья / Research article

Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности

А.М. Бребдани , М.И. Нахро

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 ammarbre1@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена ростом значения региона Ближнего Востока в экономическом развитии Китая в XXI в., а следовательно, и распространением экономических и политических интересов последнего. Цель исследования — определить стратегические приоритеты Китая и основные направления его политического присутствия, нацеленные на балансировку угроз и возможностей в столь турбулентном регионе, каким является Ближний Восток. Учитывая нестабильность данного региона, интерес представляет специфика китайской политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так как именно интересы Китая ставятся под угрозу. Авторы выявили факторы, влияющие на ближневосточную политику КНР, которая, безусловно, способствует трансформации регионального порядка. В исследовании делается вывод о том, что будущее китайского присутствия на Ближнем Востоке детерминировано глобальной стратегией Китая, а также его видением своей роли и будущем мироустройстве в целом.

Ключевые слова: политический прагматизм, китайская стратегия, соперничество, мягкая сила, сотрудничество, китайская дипломатия, ближневосточный вектор, внешняя политика

История статьи: Поступила в редакцию: 12.02.2023. Принята к публикации: 18.10.2023.

Для цитирования: Бребдани А.М., Нахро М.И. Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40>

© Бребдани А.М., Нахро М.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China in the Middle East: strategic priorities and features

А.М. Brebdane , М.И. Nahro

*RUDN University,
6 Miklukho-Maklay St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 ammarbre1@gmail.com

Abstract. The relevance of the research is due to the growing importance of the Middle East region in the economic development of China in the XXI century, and consequently, the spread of economic and political interests of the latter. The purpose of the study is to determine China's strategic priorities and the main directions of its political presence aimed at balancing threats and opportunities in such a turbulent region as the Middle East. Given the instability of this region caused by the global anti-terrorist struggle of the United States, the specifics of Chinese policy in the Middle East and North Africa are of interest, since it is China's interests that are being threatened. With the help of the analytical method, the factors influencing the Middle East policy of the PRC have been identified, which, of course, contributes to the transformation of the regional order. The study concludes that the future of the Chinese presence in the Middle East is determined by China's global strategy, as well as its vision of its role and the future world order as a whole.

Keywords: political pragmatism, Chinese strategy, rivalry, «soft power», cooperation, Chinese diplomacy, Middle East vector, foreign policy

Article history: Received: 12.02.2023. Accepted: 18.10.2023.

For citation: Brebdane AM., Nahro MI., China in the Middle East: strategic priorities and features. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40>

Введение

Китай является своего рода «новичком» в регионе Ближнего Востока. Ввиду географического фактора его значение для Пекина долгое время было невысоким, однако ситуация стала меняться в начале 2000-х гг. Благодаря бурному экономическому развитию, отмеченному вступлением во Всемирную торговую организацию в 2001 г., темпы роста потребления энергии в Китае резко возросли, выросла и значимость данного региона для энергетической безопасности Китая. Дестабилизация стран Ближнего Востока и Северной Африки, вызванная такими событиями, как глобальная война против терроризма, объявленная США в результате теракта 11 сентября, американское вторжение в Ирак и Афганистан, а также события «арабской весны», — поставили интересы Китая под угрозу.

В стратегическом отношении Ближневосточный регион очень важен для Пекина; именно здесь Китай может сотрудничать и/или конкурировать

с другими великими державами, здесь же обозначены стратегические приоритеты и возможности Пекина. Китайские эксперты считают Ближний Восток сложной политической реальностью, где на протяжении истории рухнули многие великие империи и где при определенных условиях политика и стратегия Китая могут потерпеть провал [1]. Соответственно, вызов, который стоит перед Китаем сегодня, заключается в той роли, которую он может сыграть в столь нестабильном регионе.

Стратегические приоритеты Китая на Ближнем Востоке

Многие китайские эксперты настаивают, что у Китая нет стратегии на Ближнем Востоке, поскольку Пекин публично о ней не заявлял, что связано со стремлением избежать споров и противостояний в регионе [2]. Анализ основополагающего документа, на котором базируется политика Китая в отношении арабских стран, изданного в 2016 г., свидетельствует об отсутствии конкретной и комплексной стратегии.

В большей степени он отражает ключевые принципы политики Китая и указывает на важность экономического сотрудничества с арабскими странами¹. Вместе с тем в нем присутствует новый акцент — на политику и сферу безопасности в той мере, в какой они связаны с целями экономики и развития². То есть Ближний Восток следует рассматривать в контексте глобальной стратегии Китая. В реализации своих национальных интересов Китай исходит из основ, заложенных в документе «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (ранее — Национальная оборона Китая), обнародованном в июле 2019 г.³

Тим Ниблок, известный британский эксперт, считает этот документ исключительно важным для понимания китайской глобальной стратегии. Он выделяет шесть пунктов этой стратегии: защита суверенитета, безопасности и интересов Китая; отказ от политики, основанной на «доминировании, расширении или сферах влияния»; активный вклад в построение «человеческого сообщества единой судьбы» посредством поддержки ООН — основного института современного мирового порядка; развитие региональных и международных форматов и сетей, ориентированных на конкретные интересы, цели и ценности Китая; создание и совершенствование

¹ China's Policy toward the Arab states 2016 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 13.01.2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/201601/t20160114_679437.html (дата обращения: 24.06.2022).

² Almeida M. China's 'Marshall Plan' for the Arab world // Arab News. 14.07.2018. URL: <https://www.arabnews.com/node/1338856> (дата обращения: 15.07.2022).

³ China's National Defense, 2019. Full text // State Council Information Office of the PRC. 2019.07.2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 21.06.2022).

национальной обороны и сильной армии, соответствующих международному положению страны, ее интересам в области безопасности и развития; продвижение экономических интересов Китая на мировой арене. Ниблок заключает, что отношения со странами Ближнего Востока действительно важны для Китая, но, тем не менее, второстепенны по сравнению с более важными интересами китайского государства. Стратегический фокус останется на Восточной Азии, Центральной Азии и западной части Тихого океана [3].

До сих пор Китай сосредотачивался на продолжении экономического роста, обеспечении стабильных цен на энергоносители и поставок в Китай; поддержании глобального стратегического энергетического баланса и достижении своей энергетической безопасности; поддержании баланса сил в регионе для предотвращения монополизации ресурсов региона MENA любыми региональными и/или внешними силами; поддержании мира и стабильности в регионе и предотвращении политических потрясений, которые могут помешать китайским инвестициям и реализации инициативы «Один пояс, один путь». Однако Китай в то же время сосредотачивается на слабых сторонах американского влияния в регионе, возникших в результате войн в Ираке и Афганистане, неспособности найти урегулирование арабо-израильского конфликта и антиамериканских настроений во многих странах арабского мира с целью ограничения американского влияния и расширения в нем китайского присутствия [4].

В рамках своей стратегии «гармоничного мира» на Ближнем Востоке Китай активно использует механизмы «мягкой силы»: контракты о свободной торговле, предоставление беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР; активное освещение в СМИ гуманитарной миссии Поднебесной и дипломатической поддержки государствам Ближнего Востока; продвижение китайского языка и китайской культуры в арабском мире; использование китайской диаспоры для решения экономических и политических проблем в регионе⁴. Реализацией этих задач КНР не только наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока, но и способствует вытеснению США с рынков региона [5].

Пекин постоянно наращивает взаимовыгодное сотрудничество со странами региона, в котором повторяющиеся политические и социальные кризисы, как правило, порождают неустойчивость и нестабильность. Так называемая «арабская весна» создала новые очаги нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и Китай оказался вынужден менять стратегию

⁴ Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран // Синьхуа Новости: Russian.news.cn. 13.01.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения: 05.07.2022).

и тактику, искать новые возможности [6]. Именно с целью защиты своих интересов Китай традиционно стремился не втягиваться в крупные вооруженные конфликты, что позволяет ему избегать не только материальных, но и репутационных издержек [7. С. 162].

Однако игнорировать региональные конфликты, которые могут поставить под угрозу успех инициативы «Один пояс, один путь» и других важных экономических обязательств, становится все более затруднительным. Китай проводит взвешенную политику, стараясь балансировать возможности и риски. Ряд экспертов назвали его политику «стратегией хеджирования», которая обеспечит устойчивое присутствие, не нарушая конкурентный и хрупкий региональный порядок [8]. Стратегия хеджирования — вариант для региональной державы второго эшелона, которая хочет преследовать свои интересы, не нарушая выгодного статус-кво [9].

Посредническая дипломатия КНР

Участие Китая в урегулировании региональных конфликтов свидетельствуют о новой роли Пекина в региональных международных отношениях⁵. Он выступил посредником в йеменском конфликте, организовав переговоры между Саудовской Аравией и Ираном в 2015–2016 гг.; в декабре 2017 г. Китай провел «палестино-израильский мирный симпозиум»⁶, а в мае 2018 г. — международный симпозиум по сирийскому кризису⁷. В рамках посредничества спецпосланник Китая на Ближнем Востоке совершил визиты в обе страны для содействия мирным переговорам и политическим дискуссиям. Пекин выдвинул ряд дипломатических инициатив по урегулированию споров в регионе: инициативу по урегулированию палестино-израильского конфликта⁸,

⁵ Legarda H. China as a conflict mediator: Maintaining stability along the Belt and Road // Mercator Institute for China Studies. 22.08.2018. URL: <https://www.merics.org/en/china-mapping/china-conflict-mediator> (дата обращения: 26.07.2022).

⁶ Assistant Foreign Minister Chen Xiaodong Attends Opening Ceremony of Palestinian-Israeli Peace Symposium // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 22.12.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2868_663726/2870_663730/201712/t20171226_534348.html (дата обращения: 04.08.2022).

⁷ Special Envoy of the Chinese Government on the Syrian Issue. Xie Xiaoyan Attends International Symposium on the Syrian Issue // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 14.05.2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201805/t20180516_535648.html (дата обращения: 04.08.2022).

⁸ China pushes four-point Israeli-Palestinian Peace Plan // Times of Israel. 01.08.2017. URL: <https://www.timesofisrael.com/china-pushes-four-point-israeli-palestinian-peace-plan/> (дата обращения: 06.08.2022); China puts forward four-point proposal regarding Palestine-Israel conflict // Xinhua. 17.05.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-05/17/c_139950043.htm (дата обращения: 06.08.2022).

инициативу по обеспечению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке⁹, инициативу по урегулированию кризиса в Сирии¹⁰.

Несмотря на весьма заметную дипломатическую активность Пекина в регионе, он, тем не менее, избирательно и осторожно реагирует на различные события в зависимости от того, насколько они считаются жизненно важными или второстепенными для Китая. Несмотря на растущий интерес к Ближнему Востоку и Северной Африке и некоторое участие в политической жизни в регионе, Китай пока не занимается реальной посреднической дипломатией, а скорее стремится защищать свои интересы с помощью прагматичной дипломатии, или, как называли такую политику эксперты — «полупосредничеством в китайском стиле», когда актер не стремится к установлению контроля, участвует в рассмотрении повестки дня, а не в ее определении, поощряет деэскалацию конфликта вместо принятия решительного участия в его разрешении [10].

Политика уравнивания между конфликтующими сторонами достаточно четко проявляется в отношении Пекина к «иранскому досью» и напряженности между арабскими государствами Персидского залива и Ираном, поскольку он тесно взаимодействует с обеими сторонами без конкретных обязательств. Субрегион Залива переживает «маленькую холодную войну», в которой Иран и Саудовская Аравия являются главными действующими лицами [11]. В 2016 г. Си Цзиньпин подписал всестороннее стратегическое партнерство с Ираном всего через несколько дней после подписания аналогичного партнерства с Саудовской Аравией, что ясно указывает на его готовность не принимать чью-либо сторону [12]. Джонатан Фултон считает, что углубление отношений между Китаем и Ираном, отраженное в подписанном в 2021 г. Всеобъемлющем стратегическом партнерстве, не свидетельствует о ревизии подходов Китая к странам Персидского залива. Энергетические проекты, которые уже были активированы и реализованы как с Саудовской Аравией, так и с Объединенными Арабскими Эмиратами, достигли более зрелого уровня, соответствующего тесному уровню экономического и политического взаимодействия [8].

Позиция Китая в отношении палестино-израильского конфликта является еще одним примером уравнивания. Хотя Китай последовательно поддерживает палестинскую сторону, он развивает дружеские отношения

⁹ Wang Yi Proposes a Five-point Initiative on Achieving Security and Stability in the Middle East // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 26.03.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202103/t20210327_9168120.html (дата обращения: 07.08.2022).

¹⁰ Wang Yi: Counter-terrorism, Dialogue and Reconstruction Are Three Key Points for Solving Syrian Issue at New Stage // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.11.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/xybfs_663590/gjlb_663594/2888_663776/2890_663780/201711/t20171128_535637.html (дата обращения: 07.08.2022).

и прочные экономические связи с Израилем. В 2017 г. Пекин объявил об инновационном партнерстве с Израилем¹¹, с которым заинтересован в сотрудничестве в области высоких технологий.

Китай следует аналогичной логике в своих отношениях с Ираком. В то время, как Пекин поддерживает центральное правительство в Ираке и официально выступает против курдской независимости¹², он также установил хорошие контакты с Иракским Курдистаном, обладающим большими запасами нефти и в энергетический сектор которого идут крупные инвестиции. Можно предположить, что в случае получения Иракским Курдистаном суверенитета Пекин вряд ли будет очень активно выступать против его отделения от Ирака¹³. Растущее взаимодействие Китая с курдами также рассматривается как рычаг воздействия на Анкару, которая продолжает принимать уйгурских сепаратистских активистов и организации [13. С. 217].

В некоторых конфликтных ситуациях в регионе Китай столкнулся с деликатной задачей балансирования, казалось бы, непримиримых интересов. В йеменском конфликте, который можно рассматривать как опосредованное противостояние между силами, поддерживаемыми Ираном и Саудовской Аравией, Пекин был вынужден хоть как-то определиться. Во время исторического турне президента Китая по региону в 2016 г. Си Цзиньпин заявил о поддержке правительства Хади в его усилиях по воссоединению страны¹⁴. Хотя такое заявление могло вызвать некоторое недовольство со стороны Ирана, сильная зависимость Тегерана от поддержки Китая в решении множества других актуальных вопросов свело на нет негативную реакцию Ирана [14]. Однако, по некоторым данным, посол Китая в Йемене Кан Юн регулярно встречается с хуситами и представителями Южного переходного совета и даже пытался убедить их принять соглашение о разделе власти с правительством Хади¹⁵.

Позиция Китая по сирийскому кризису может показаться поворотным моментом в его политике в регионе, поскольку она перешла границы

¹¹ China, Israel announce innovative comprehensive partnership // Xinhua. 21.03.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/21/c_136146441.htm (дата обращения: 07.08.2022).

¹² China says supports Iraq's unity as Kurds vote in referendum // Reuters. 25.09.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-kurd-china/china-says-supports-iraqs-unity-as-kurds-vote-in-referendum-idUSKCN1C00V8> (дата обращения: 07.08.2022).

¹³ Ramani S. China in the Middle East: The Iraqi Kurdish Question // The Diplomat. 05.10.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/china-in-the-middle-east-the-iraqi-kurdish-question/> (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁴ China Offers Support for Yemen Government as XI Visits Saudi Arabia // Reuters. 20.01.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-china-yemen-idUSKCN0UY0C1> (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁵ Ramani S. China looks to boost its influence in Yemen // Al-Monitor. 09.12.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/12/china-boost-influence-yemen-stc-war-economy.html> (дата обращения: 07.08.2022).

недовольства политикой США на Ближнем Востоке к откровенному ее неприятию. До июля 2020 г. Китай использовал свое право вето в сирийском кейсе 10 раз¹⁶, что является значительным числом, учитывая, что ранее Китай применял право вето всего пять раз за последние четыре десятилетия. Как представляется, такая позиция отнюдь не связана со сближением с сирийским президентом Башаром Асадом, который не является ближайшим союзником Китая в регионе. Решение, скорее, было продиктовано не только ливийским опытом, но и желанием продемонстрировать солидарность с Москвой и отстаивать принцип невмешательства, особенно с учетом одновременного роста напряженности в Южном и Восточно-Китайском морях [15. С. 173]. Тем не менее, воздержание Китая в Совете Безопасности ООН в апреле 2017 г.¹⁷ при рассмотрении вопроса о «предполагаемой сирийской химической атаке» еще раз свидетельствует о политике балансирования и прагматизме Пекина, политику которого на Ближнем Востоке следует оценивать с учетом его отношений с США. Остается вопрос, оправдана ли эта сбалансированная политика в долгосрочной перспективе, однако до сих пор она была выгодна интересам Китая и, вероятно, останется в его присутствии в регионе [16. С. 97].

Китай стремится сблизиться со странами Ближнего Востока посредством своей «дипломатии партнерства», а также членства в ряде многосторонних/региональных институтов. Форум китайско-арабского сотрудничества (CASCF), основанный в 2004 г., является важным региональным форумом, на котором регулярно и на высоком политическом уровне проходят встречи между Китаем и арабскими странами. Отсутствие у Китая восприятия региона MENA в целом подкрепляется тем фактом, что отсутствует формат регионального сотрудничества, который включал бы все арабские страны, Израиль, Иран и Турцию [17. С. 17]. Членство Китая в многосторонних/региональных организациях дополняется акцентом на партнерскую дипломатию [18]. Китай выстроил свои партнерские отношения с государствами региона с учетом типа партнерства и важности страны-партнера. Он имеет всестороннее стратегическое партнерство с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Ираном как ведущими государствами.

Продвижение развития и оказание помощи

Китайские инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» могут сыграть решающую роль в постконфликтном восстановлении в таких странах, как Сирия, Ливия, Ирак и Йемен, или в развитии столь

¹⁶ Вето в Совете Безопасности — Китай // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-china> (дата обращения: 03.06.2022).

¹⁷ United Nations Security Council draft resolution S/2017/315 of 12 April 2017 // Security Council Report: UN Documents of Syria: Other. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/other-documents/page/2?ctype=Syria&cbtype=syria (дата обращения: 03.06.2022).

необходимой инфраструктуры в регионе с долгосрочным воздействием на развитие этих стран. Многие кризисы и конфликты на Ближнем Востоке коренятся в социально-экономических причинах. «Ключ к преодолению трудностей — ускорение развития. Беспорядки на Ближнем Востоке проистекают из отсутствия развития, и окончательное решение будет зависеть от развития, которое затрагивает благополучие и достоинство каждого»¹⁸ (из выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на Лиге арабских государств в 2016 г.). Споры и конфликты, по мнению Китая, менее вероятны в регионах, которые выигрывают от экономического развития, и инициатива «Пояс и путь» является воплощением этой внешнеполитической позиции [19].

За последнее десятилетие Китай превратился в крупную движущую силу развития на Ближнем Востоке и в Северной Африке, осуществив инвестиции и контракты на сумму около 140 млрд долларов США¹⁹. Участие Китая в развитии стран региона принимает форму прямых инвестиций, помощи и кредитов на развитие. Китай выделил 15 млрд долларов в виде кредитов для продвижения процесса индустриализации на Ближнем Востоке до 2018 г., а непрерывные льготные кредиты составили 10 млрд долларов²⁰. Было заключено соглашение «Нефть в обмен на восстановление» на 20 лет, согласно которому Китай будет получать 100 000 баррелей в день в обмен на свои инвестиции в восстановление Ирака²¹. В преддверии VIII министерской встречи Форума китайско-арабского сотрудничества председатель КНР объявил, что Китай предоставит Иордании, Сирии, Йемену и Палестине гуманитарную помощь на сумму 100 млн долларов²². В период пандемии коронавируса Пекин проводил так называемую «вакцинную дипломатию», которую можно рассматривать как часть более широких усилий Китая по повышению своего имиджевого гуманитарного статуса на глобальном уровне [20].

¹⁸ Work Together for a Bright Future of China-Arab Relations: Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Arab League Headquarters. Cairo, 21 January 2016 // ChinaDaily. 22.01.2016. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2016xivisitmiddleeast/2016-01/22/content_23191229.htm (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁹ China global investment tracker // The American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 03.06.2022).

²⁰ Declaration of Action on China-Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative of 10 July 2018 // China-Arab States Cooperation Forum. URL: <http://www.chinaarabcf.org/ara/lthyjwx/bzjhywj/dbj/201807/P020210828308252626492.pdf> (дата обращения: 03.06.2022).

²¹ Zidane S. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement // Al-Monitor. 08.10.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html> (дата обращения: 08.06.2022).

²² Beijing Pledges USD100m to Jordan, Syria, Yemen, Palestine // Jordan News. 10.07.2018. URL: <https://alghad.com/beijing-pledges-usd100m-to-jordan-syria-yemen-palestine/> (дата обращения: 09.07.2022).

Заключение

Приоритетное внимание, с точки зрения обеспечения безопасности, устойчивости экономики и политической системы, а также защиты территории и вод Китая в пределах его морских границ Китай по-прежнему уделяет странам-соседям. Значительных изменений в позициях Китая на Ближнем Востоке в краткосрочной или среднесрочной перспективе не предвидится, поскольку ключевые составляющие глобальной стратегии Китая относительно стабильны, а позиция Ближнего Востока в рамках этой стратегии важна, но никоим образом не критична. В военно-политическом плане Китай не пойдет на союзы с другими мировыми лидерами, опасаясь попасть в положение ведомого, и будет воздерживаться от союзов со слабыми, понимая, что таковые потребуют больших финансовых вливаний и, кроме того, с подозрительностью будут восприниматься международным сообществом с неблагоприятными имиджевыми последствиями для Китая [21. С. 9]. На Ближнем Востоке Китай, по-видимому, «ищет способы конкурировать, не становясь конкурентом» США [22]. Несмотря на это, совершенно очевидно, что Китай будет играть более важную роль в ближневосточных делах в ближайшие десятилетия.

При этом Пекин не готов возложить на себя открытое лидерство в регионе, но его экономический вес постепенно бросает вызов стратегическим интересам других традиционных внешних игроков, прежде всего США и Европе. Вместе с Россией он стремится сформировать в регионе некую многополярность, которая предоставит локальным игрокам новый набор инструментов для их взаимодействия со странами Запада. Невхождение в альянсы и стратегия хеджирования в Персидском заливе привели к восприятию Китая как позитивной внерегиональной державы.

Хотя Китай по-прежнему не желает глубоко вмешиваться в дела региона и стремится сохранять позицию нейтральной экономической державы, он должен реагировать на текущую ситуацию по мере того, как растет его авторитет и расширяются интересы. Стремительная динамика ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке вынуждает Китай предпринимать определенные, но пока что малозаметные шаги для обеспечения собственной безопасности.

Будущее присутствия Китая на Ближнем Востоке и степень его влияния здесь будут зависеть от ряда факторов, связанных, прежде всего, с глобальной стратегией Китая и видением им своей роли и будущем мироустройстве в целом и на Ближнем Востоке, в частности. На это, безусловно, влияет позиция Соединенных Штатов и то, как будут реализовываться обязательства Вашингтона в сфере безопасности в регионе, а также политика и взаимодействие мировых и региональных держав, таких как Россия, Индия и Япония, некоторые из которых стремятся составить конкуренцию Китаю на Ближнем

Востоке. Безусловно, не следует сбрасывать со счетов и позицию самих ближневосточных государств и их политику.

Как нам представляется, остается открытым вопрос о гарантиях сохранения экономических интересов Китая в долгосрочной перспективе при отсутствии четких и эффективных силовых и политических инициатив. Следует принять во внимание и внутрикитайский, и внешние факторы, оказывающие существенное влияние на позиции и роль Пекина на региональном и международном уровнях в столь быстро и неожиданно меняющемся мире.

Библиографический список / References

1. Dorsey JM. *China and the Middle East: Venturing into the maelstrom*. DR-NTU [Preprint] 2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2735622> [Accessed 5th July 2022].
2. Scobell A., Nader A. *China in the Middle East: The Wary Dragon*. Santa Monica : RAND Corporation, 2016. 101 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1229/RAND_RR1229.pdf [Accessed 09.08.2022].
3. Niblock T. China and the Middle East: A Global Strategy Where the Middle East has a Significant but Limited Place. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* 2020;14(4):481–504. <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1847855> (2)
4. Dunsmore M. *Chinese Involvement in the Middle East. Implications for the United States*. <https://auislandora-stage.wrlc.org/islandora/object/1213capstones%3A69/datastream/PDF/view> (дата обращения: 08.10.2022). [Accessed 8th October 2022].
5. Morozov YUV. Podkhody KNR, SSHA i RF v bor'be v sfere geopolitiki v regionakh mira. [China, U.S. and Russian campaigns in its struggle in the field of geopolitics in the regions of the world]. *Rossiya i Amerika v XX veke. [Russia and America in the XX century]* 2020;(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207054760009025-4>
Морозов Ю.В. Подходы КНР, США и РФ в борьбе в сфере геополитики в регионах мира // *Россия и Америка в XXI веке*. М., 2020. № 1. <https://doi.org/10.18254/S207054760009025-4>. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760009025-4-1/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Chaziza M. The Arab Spring: Implications For Chinese Policy. *Middle East Review of International Affairs*. 2013;17(2):73–83. https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/meria/v17i2/f_0029657_23972.pdf
7. Evseenko AS. Politika SSHA, Rossii i Kitaya na Blizhnem Vostoke i v Tsentral'noi Azii. (3) [U.S., Russian and Chinese Policy in the Middle East and Central Asia]. In: Morozov YUV. (ed.) *Vzaimootnosheniya Rossii- Kitaya — SSHA v ramkakh strategicheskogo treugol'nika. [Russia-China-US relations within the framework of the Strategic triangle]* Moscow: FGBUN IDV RAN; 2020. p. 159–178. (In Russ.).
Евсеев А.С. Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии // *Взаимоотношения России- Китая — США в рамках стратегического треугольника*. М.: ИДВ РАН. 2020. С.159–178.
8. Fulton J. China between Iran and the Gulf Monarchies. *Middle East Policy*. 2021;28(3–4): 203–216. <https://doi.org/10.1111/mepo.12589>
9. Tessman BF. System Structure and State Strategy: Adding Hedging to the Menu. *Security Studies*. 2012;21(2):192–231. <https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679203>
10. Sun D, Zoubir Y. China's Participation in Conflict Resolution in the Middle East and North Africa: A Case of Quasi-Mediation Diplomacy? *Journal of Contemporary China* 2017;27(110):224–243. <https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1389019>

11. Gause FG. *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War*. Bookings Doha Center. Report number: 11, 2014, p. 1–27. URL: <https://www.brookings.edu/research/beyond-sectarianism-the-new-middle-east-cold-war/>. [Accessed 8th October 2022].
12. Fulton J. *China's changing role in the Middle East*. Atlantic Council Rafik Hariri Center for the Middle East. Report number, 2019. Wash: Atlantic Council, 2019, p. 1-27.
13. Horesh N, Xu R. Conclusion: China's Growing Presence in the Middle East. In: Horesh N. (ed.) *Toward Well-Oiled Relations? China's presence in the middle east following the Arab spring*. The Nottingham China Policy Institute series. Hampshire: Palgrave Macmillan; 2015. p. 261–231. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>
14. Rózsa EN, Peragovics T. China's Political, Military and Cultural Engagement in the Mena region. *The role of China in the Middle East and North Africa (MENA)*. Beyond economic interests? Barcelona : IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020, p. 58–87. URL: <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>
15. Singh M. Chinese Policy in the Middle East in the Wake of the Arab Uprisings. In: Horesh N. (ed.) *Toward Well-Oiled Relations? china's presence in the middle east following the Arab spring*. The Nottingham China Policy Institute series. Hampshire: Palgrave Macmillan; 2015. p. 261–231. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057%2F9781137539793.pdf>
16. Andersen LE., Lons C. The geopolitics also implication of China's presence in the Middle East and North Africa MENA. In: Sidło KW. (ed.) *The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond economic interests?* Barcelona: IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020. p. 88–108. <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>
17. Andersen LE, Lons C, Peragovics T, Rózsa EN, Sidło KW. China-MENA relations in the context of Chinese global strategy. In: Sidło KW. (ed.) (4) *The role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond economic interests?* Barcelona: IEMed: European Institute of the Mideterranean, 2020. p. 10–31. <https://www.euro es ou.net/we-content/uploads/2020/05/JPS Thé-Role-of-China-in-the-MENA.pdf>.
18. Strüver G. China's partnership diplomacy: International alignment based on interests or ideology. *The Chinese Journal of International Politics* 2017;10(1):31–65. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow015>.
19. Andersen LE, Jiang Y. *China's engagement in Pakistan, Afghanistan and Xinjiang. Will China's root cause model provide regional stability and security?* : Danish Institute for International Studies. Report number: 06, 2018.
20. Hirono M. *Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action Multiple interests, processes and actors*. Humanitarian Policy Group. L. : Overseas Development Institute, 2018, p. 1–36. <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12015.pdf> [Accessed 7th August 2022].
21. Mikheev VV, Shvydko VG. (eds.) *Prognoz strategii stran transtikhookeanskogo prostranstva. [Forecast of strategies of the countries of the Trans-Pacific space]* Moscow: ИМЭМО РАН; 2017. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0510-9>.
Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / под ред. Михеева В.В., Швыдко В.Г. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0510-9>
22. Alterman JB. Chinese and Russian Influence in the Middle East. *Middle East Policy* 2019;26(2):129–136. <https://doi.org/10.1111/mepo.12427>.
23. Yang C. China's Potential Role in the Remaking of Regional Order in the Middle East: Motivations, Opportunities and Challenges. *BRIQ: Belt and Road Initiative Quarterly*. 2019–2020;1 (1):55–66. <https://briqjournal.com/sites/default/files/yazi-ici-dosyalar/2021-04/China%E2%80%99s%20Potential%20Role%20in%20the%20Remaking%20of%20Regional%20Order%20in%20the%20Middle%20East%20Motivations%2C%20Opportunities%20and%20Challenges.pdf>

Информация об авторах:

Бребдани Аммар Мухсен — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: ammarbre1@gmail.com ORCID: 0000-0002-0808-7521

Нахро Мухаммад Исмаел — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов, e-mail: nahro.muhammad@su.edu.krd

Information about authors:

Brebdane Ammar Mohsen — PhD in History, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, e-mail: ammarbre1@gmail.com ORCID: 0000-0002-0808-7521

Muhammad Nahro Ismael — PhD student of Oriental and African Studies, RUDN University, e-mail: nahro.muhammad@su.edu.krd